
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

сочиненіе

Василія Жуковскаго.

Das Wunder ist des Glaubens liebstes Kind.

Göthe.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Медицинской типографіи.
1817.

PG 3447
.Z5 D9
1817
Copy 2

Печатать позволяется:
Санктпетербургъ, Іюля 4 дня 1817 года.
Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковс

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой знакомыхъ привиденій
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей!
Приди, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній!
Минувшею мнѣ жизнію повѣй!
Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —
И много милыхъ тѣней возстаетъ!
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что Рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала!
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ!

Къ нимъ недойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки:
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ!
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра —
Не имъ поетъ задумчивая лира!

И снова въ томномъ сердцѣ возникаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Погибшее опять одушевленнымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГРОМОБОЙ.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister!
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf!
Schiller.

АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ВОЕЙКОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты —
　　Желанье исполняю!
Тебѣ досугъ мой и мечты
　　И лиру посвящаю!
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ!
　　Ещежъ — одно желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
　　Сердецъ очарованье!
Печаль по слуху только знай!
　　Будь радостію свѣта!
Моихъ стиховъ хоть нечитай,
　　Но другомъ будь поэта!

ГРОМОБОЙ.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
　　Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь, Громобой
　　Сидѣлъ одинъ съ кручиной;
Окрестъ его дремучій боръ;
　　Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
　　Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
　　Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
　　И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшею главой,
И думаетъ онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть!
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь —
А мнѣ сума награда!
Нѣтъ крова защитить главу,
Отъ бури, непогоды!
Усталъ я! въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды!"

Готовъ онъ прянуть съ крутизны!
И вдругъ . . . . предъ нимъ явленье!
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье:
Старикъ съ щетинистой брадой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою . . . .
И тотъ, какъ вкопаный, стоитъ,
Зря диво предъ собою

— Куда? невѣдомый спросилъ. —
„Въ волнахъ скончать мученья!“
— Почтожъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья? —
„Кто ты? воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.“
— Заступникъ, другъ, спаситель твой!
Ты видишь Асмодея! —
„Творецъ небесный!“ — Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ отрады!
Забудь о Богѣ — мнѣ молись!
Мои вѣрнѣй награды!

— Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье!
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю!
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ —
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата!

— Клянусь! (свидѣтель адскій богъ,
Что клятвы не нарушу!)
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу! —
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится!
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься!
— — Почтожъ задумался, глупецъ?
„Страшусь мученій ада!“
— Но раноль, поздноль .... наконецъ
Все адъ твоя награда!

— Тебѣ на свѣтѣ жить — бѣда!
Покинуть свѣтъ — другая!
Останься здѣсь — поди туда —
Вездѣ погибель злая!
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ!
Не вѣрь имъ — бредни! веселъ адъ!
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ!
Мы жизнь пріятную ведемъ!
Нашъ адъ не хуже рая!
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая!

— Тебѣ я теремъ пышный дамъ,
И тму людей на службу!
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу!
Досель красавицъ ты пугалъ —
Придутъ къ тебѣ толпою!
И словомъ — вздумалъ, загадалъ,
И все передъ тобою!
И вотъ въ задатокъ кошелёкъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато!
Но десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
Тебѣ такъ жить богато!

— Когдажъ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою;
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою! —
Сталъ думу думать Громобой;
Подумалъ — согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье,
Лукавый принялъ — и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой —
Откуда что взялося!
И счастье на него рѣкой
Съ богатствомъ полилося!
Какъ княжескій, разубранъ домъ;
Подвалы полны злата;
Съ заморскимъ выходы виномъ;
И рѣдкостей палата;
Пиры — хоть постъ, хоть мясоѣдъ;
Музыка роговая;
Для всѣхъ — чужихъ, своихъ — обѣдъ,
И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,
Всему онъ повелитель:
И сильнымъ бичь, и слабымъ страхъ,
И хищникъ и грабитель!
Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
Изъ отческой ихъ сѣни;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
И родственниковъ пени;
И въ годъ двѣнадцать дочерей
Имѣлъ онъ обольщенныхъ;
И былъ онъ чуждъ своихъ дѣтей
И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щитомъ
Былъ Ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань — Божій домъ,
Смиренія обитель!
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
Сокрылъ ихъ съ матерями:
Да славятъ Вышняго Царя
Невинныхъ устъ мольбами!
И горней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою!
Какъ вешній ароматный день,
Цвѣли онѣ красою!

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
До юности златыя
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Лишь подвиги благія.
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
Стекалися во храмѣ;
На клиросѣ, предъ алтаремъ,
Кадильницъ въ ѳиміамѣ,
Въ священный литургіи часъ,
Ихъ слышалося пѣнье —
И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало Провидѣнье!

И слезы нѣжныхъ матерей
  Съ молитвой ихъ сливались,
Когда во храмѣ близъ мощей
  Онѣ разпростирались.
„О! дай имъ кровъ, Небесный Царь!
  (То было ихъ моленье)
Да будетъ Твой святый алтарь
  Незлобныхъ душъ спасенье!
Покинулъ ихъ родной отецъ,
  Давъ бѣднымъ жизнь постылу;
Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
  И грѣшника помилуй!“ . . .

Но вотъ . . . . насталъ десятый годъ!
  Уже онъ на исходѣ!
И грѣшникъ горьки слезы льётъ:
  Всему онъ чуждъ въ природѣ!
Опять украшены весной
  Луга, пригорки, долы!
И пахарь веселъ надъ сохой,
  И счастья полны сёлы!
Не зритъ лишь онъ златой весны:
  Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
  Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ —
„Прости, гласитъ, денница!“
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ —
„Прости, весны пѣвица!....
Прости, и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя!“
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ,
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: онѣ Творца смягчатъ!
Невиннымъ Богъ внимаетъ!

И вотъ.... настaлъ послѣдній день!
Ужь солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужь сумракъ.... смерклось ....вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокій на поляхъ;
И близокъ часъ полночи!...

И, мучимъ смертною тоской,
У Спасовой Иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны!
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ:
Сердца ихъ близки раю!
„Увы! молитесь! (вопіялъ)
Молитесь! погибаю!"
Младенца внятенъ небу стонъ:
Невинныя молились!
Но вдругъ....на нихъ находитъ сонъ....
Замолкли.... усыпились!

И все въ ужасной тишинѣ!
Окрестность какъ могила!
Вотъ....каркнулъ воронъ на стѣнѣ!
Вотъ....стая псовъ завыла!
И вдругъ...протяжно полночь бьетъ!
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ;
И мчится прахъ летучій!
Увы!... послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами....
Гулъ тише....смолкъ....и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами!

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
Сокрылся за горою!
Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ!
Пришелъ я за тобою! —
„О! дай, молю, хоть малый срокъ!
Терзаюсь! адъ ужасенъ!"
— Свершилось! неизбѣженъ рокъ!
И поздный вопль напрасенъ! —
„Минуту!" — Слышишь? Цѣпь звучитъ! —
„О страшный часъ! помилуй!"
— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужь могилу!

— Заутра день взойдетъ во мглѣ!
Подымутся стенанья!
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья!
Кадилъ и свѣчь въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
На вѣки въ заточенье!
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою!
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій, миръ съ тобою!

— И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время!... идутъ!... часъ приспѣлъ!
Внимай ихъ завыванье!
Стеклись! призывный слышу кличь!
Ихъ челюсти зіяютъ!
Смола клокочетъ свищетъ бичь!
Оковы разжигаютъ! —
„Спаситель-Царь! вонми слезамъ!“
— Отринуто моленье! —
„Увы! позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье!“

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ —
Сверкнули страшно очи!
— Лишить ихъ царствія небесъ!
Предать геенской ночи!
Вотъ слава! мнѣ возплещетъ адъ
И съ гордымъ Сатаною! —
И усмиривъ грозящій взглядъ,
Вѣщалъ онъ Громобою:
— Я внялъ твоей печали гласъ!
Есть средство избавленья!
Покоренъ будь, иль въ адъ сей часъ
На скорби и мученья!

— Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году! —
„Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!"
— Ты медлишь! приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разблеките! —
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тьма бѣсовъ предстала.

Чудовищь адскихъ грозный сонмъ!
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверзтыми когтями!
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: „страшный врагъ, постой!
Постой! готовы жертвы!"
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ....
Онъ пишетъ ихъ рукою....
О страхъ! свершилось! плещетъ адъ
И съ гордымъ Сатаною!

Ты казнь отсрочилъ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада!
Но жить, погибнувши душой —
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья!
Веселья нѣтъ душѣ твоей!
И нѣтъ ей упованья!
Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы!
Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ въ живѣ снѣдь могилы.

Напрасно вѣетъ вѣтерокъ
Съ душистыя долины;
И свѣтъ луны сребритъ потокъ
Сквозь темны липъ вершины;
И ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
И роща въ тѣнь свою зоветъ
Листочковъ трепетаньемъ;
И шумъ бѣгущихъ съ поля стадъ
Съ пастушьими рогами
Вечерній мракъ животворятъ,
Теряясь за холмами!

Его доселѣ свѣтлый домъ
    Ужь сумрака обитель!
Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
    Пировъ веселыхъ зритель,
Не пьетъ кипящаго вина
    Изъ чаши круговыя!...
И страшенъ день; и ночь страшна;
    И тѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
    И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой;
    И сонъ забыли очи.

И тмы лѣсовъ страшится онъ:
    Тамъ бродитъ привидѣнье!
То чудится полночный звонъ,
    То погребально пѣнье!
Страшитъ его и бури свистъ,
    И грозныхъ тучь молчанье,
И съ шорохомъ падущій листъ,
    И рощи содроганье!
Прокатитсяль по небу громъ —
    Блѣднѣетъ! дыбомъ волосъ!
„То мститель, посланъ Божествомъ!
    То казни страшный голосъ!"

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье!
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,
Краса-веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубятъ муки.
Какъ роза-благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной,
Онѣ цвѣтутъ: имъ скорби нѣтъ;
Ихъ сердце безмятежно!

А онъ!... преступникъ!... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подъемля очи,
Отверзту видитъ въ далекѣ
Пучину адской ночи.
Онъ плачетъ! онъ судьбу клянетъ!
„О милыя творенья!
Какой васъ лютый жребій ждетъ!
И гдѣ искать спасенья?
Напрасно вамъ дана краса!
Напрасно сердцу милы!
Закрытъ вамъ путь на небеса!
Цвѣтете для могилы!

„Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ украситъ Божій свѣтъ,
Вамъ милаго покажетъ!
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распаленныя душой,
Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй!

„И дни блаженства не придутъ!
Страшитесь милой встрѣчи!
Для васъ не брачныя зажгутъ,
Но погребальны свѣчи!
Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ
Пойдете съ женихами....
Ужасный гробъ готовятъ намъ!
Прокляты небесами!
И нашъ удѣлъ: тоска и стонъ
Въ обителяхъ геенны!
О грозный жребія законъ!
О жертвы драгоцѣнны!"...

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ: самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Въ раскаяньи спасенье!
Возносятся предъ Вышній тронъ
Преступниковъ стенанья!"...
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обитель покаянья:
Да странникъ тамъ найдетъ покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снѣдь, больной
Спасенье отъ недуга.

.

Съ утра до ночи у воротъ
Служитель на сторожѣ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовётъ:
„Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе!"
И вотъ уже изъ всѣхъ краёвъ,
Влекомыя молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
И нищихъ къ Громобою.
И всѣхъ пріемлетъ Громобой;
Всѣмъ данъ его готова;
Онъ щедрой злато льетъ рукой
Отъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ;
Подобье свѣтла рая,
Обитель иноковъ при немъ
Является святая;
И въ той обители святой,
Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый, и больной,
И скорбью убіенной
Пріемлютъ, именемъ Творца,
Отраду, исцѣленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнаютъ Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ города чужаго
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
Угодника святаго;
На той Иконѣ Громобой
Былъ видимъ съ дочерями,
И на молящихся Святой
Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
Предъ образомъ въ лампадѣ;
Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ,
И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь.
Еще дубрава дремлетъ,
И воцаряющійся день
Полъ-неба лишь объемлетъ,
И въ часъ вечерней тишины —
Когда вездѣ молчанье,
И свѣчи, въ храмѣ возжены,
Льютъ тихое сіянье —
Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
Предъ образомъ смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченной....

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
Въ долину вешни воды —
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы!
Ужь время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ третей нѣтъ —
И будто не бывало!
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
Всему конецъ! твой близокъ часъ!
Погибель надъ тобою!

И вотъ . . . недугъ низринулъ злой
Его на одръ мученья!
Растерзанъ лютою рукой,
Не чая исцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зритъ
Отверзту дверь могилы;
И у возглавія сидитъ
Надъ нимъ призракъ унылый;
И нѣтъ ужь силъ ходить во храмъ
Къ Иконѣ чудотворной —
Лишь взоръ онъ мещетъ къ небесамъ,
Молящій, но покорной!

Увы! ужь и послѣдній день
Край неба озлащаетъ;
Сквозь темную дубравы сѣнь
Блистанье проникаетъ;
Все тихо, весело, свѣтло!
Все нѣгой сладкой дышетъ!
Рѣка прозрачна, какъ стекло;
Едва, едва колышетъ
Листами легкій вѣтерокъ;
Въ поляхъ благоуханье:
Къ цвѣтку прилипнулъ мотылёкъ
И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
Со стономъ и слезами!
„О рано ты, ночная тѣнь,
Разсталась съ небесами!
Стекитесь, дѣти! одръ отца
Съ молитвой окружите!
И предъ судилище Творца
Стенанія пошлите!
Ужасенъ намъ сей ночи мракъ!
Взывайте: Искупитель!
Смягчи грозящій гнѣва зракъ!
Не будь намъ строгій Мститель!“

И страшнаго одра кругомъ —
Гдѣ блѣденъ, изможденный,
Съ обезображеннымъ челомъ,
Всѣ кости обнаженны,
Брада до чреслъ, власы горой,
Взоръ дикій, впалы очи,
Вопилъ отъ муки Громобой
Съ утра до поздней ночи —
Стеклися дѣвы, ясный взоръ
На небо устремили,
И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
Такъ Ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезамъ,
Съ улыбкой примиренья,
Въ очахъ отрада и покой,
Отъ горняго чертога
Нисходятъ съ милостью святой,
Предшественники Бога,
Къ одру болѣзни въ смертный часъ....
И утомленъ страданьемъ,
Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:
Отыди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,
Подъемля къ небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
Отца спокоить муки;
Но ужасъ близкаго конца
Надъ нимъ уже носился;
Языкъ коснѣющій Творца
Еще молить стремился;
Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
Сіянія денницы....
Но взоръ недвижный угасалъ,
Смыкалися зѣницы!

„О дѣти! дѣти! гаснетъ день!“
—Нѣтъ! утро! лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
По долу протянулась;
И нивы пусты....въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьется!—
„Увы! заутра въ красотѣ
Опять сей день проснется!
Но мы...... ужь скрылись отъ земли!
Уже насъ гробъ снѣдаетъ!
И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ!

„Несчастныя! дерзнуль на васъ
Изрѣчь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье!
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу!
Молитесь! воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный! помилуй!“
И дѣвы, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемля силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

„О дѣти! дѣти, ночь близка!“
— Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчатъ поля, въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно! —
„Мнѣ чудится надгробный стонъ!“
— Все тихо и спокойно!
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь горлица въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ! —

„О дѣти! свѣтлый день угасъ!“
— Ужь солнце за горою;
Ужь по закату разлилась
Багряною струёю
Заря, и съ пламенныхъ небесъ
Спокойный вечеръ сходитъ;
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ,
Въ долинѣ сумракъ бродитъ! —
„О вечеръ сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли! взоръ не узритъ мой
Тебя ужь въ поднебесной!..

„О дѣти! дѣти, ночь близка!“
— Заря ужъ догорѣла;
Въ туманъ одѣлася рѣка;
Окрестность поблѣднѣла;
И на распутіи пылятъ
Стада, спѣша къ селенью! —
[illegible] звонятъ
Въ обители къ моленью!
Отцы поютъ хвалебный гласъ!
Огнями храмъ блистаетъ! —
„При нихъ и грѣшникъ въ страшный часъ
Къ тебѣ, Творецъ, взываетъ!...

„Не тмится ль, дѣти, неба сводъ?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьется ль прахъ летучій?“
— Все тихо! .... служба отошла;
Обитель засыпаетъ;
Луна полнеба протекла;
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ,
Луга, поля, безмолвны;
Огни потухнули въ селѣ;
И рощи спятъ и волны! —

И всюду тишина была!.....
И вся природа, мнилось,
Предустрашенная, ждала,
Чтобъ чудо совершилось!...
И вдругъ.... какъ будто вѣтерокъ
Повѣялъ отъ востока,
Чуть тронулъ дремлющій листокъ,
Чуть тронулъ зыбь потока....
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ....
Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы Серафимъ
Эфирными перстами.

И тихо, тихо Божій храмъ
Отверзся.... неизвѣстной
Явился старецъ дѣвъ очамъ!
И ликъ красы небесной,
И кротость благостныхъ очей
Рождали упованье,
Одѣянъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближеньѣ....
Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и Спасенье!

*

Сердца ихъ ужасъ обуялъ....
„Кто сей, во славѣ зримый?"
Но близь одра уже стоялъ
Пришлецъ неизъяснимый!
И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
Воскриліемъ одѣжды:
И тихій во мгновенье сонъ
На ихъ простерся вѣжды!
На искаженный старца ликъ
Онъ кинулъ взглядъ укора:
И трепетъ въ грѣшника проникъ
Отъ пламеннаго взора!

„О! кто ты, грозный сынъ небесъ?
Твой взоръ мнѣ наказанье!"
Но страшный строгостью очесъ
Пришлецъ хранитъ молчанье...
„О дай, молю, твой слышать гласъ!
Одно надежды слово!
Грядетъ неотразимый часъ!
Событіе готово!"
— Вы ликъ во храмѣ чтили мой!
И въ томъ изображенѣ
Моя десница надъ тобой
Простерта во спасенье! —

„Ахъ! чтожъ Могущій повелѣлъ?“
  — Надѣйся и страшися! —
„Увы! какой насъ ждетъ удѣлъ?
  Что жребій ихъ?“ — Молися! —
И руки положивъ крестомъ
  На грудь изнеможенну,
Предъ неизпытаннымъ Творцомъ
  Молитву сокрушенну
Умолкшій пролiялъ въ слезахъ;
  И тяжко грудь дышала,
И въ призывающихъ очахъ
  Вся скорбь души сіяла!.....

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ —
  Мрачнѣе и мрачнѣе;
За тучей грозною ревётъ
  Другая въ слѣдъ грознѣе;
И страшно сшиблись надъ главой!
  И небо заклубилось!
И вдругъ.... повсюду съ черной мглой
  Молчанье воцарилось!
И близокъ часъ полночи былъ....
  И ризою святою
Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
  Отступника десною.

И, устремленны на востокъ,
Горѣли старца очи!...
И вдругъ, сквозь сонь и мракъ глубокъ,
Въ пучинѣ черной ночи,
Завылъ протяжно вѣщій бой —
Окрестность съ нимъ завыла!
Вдругъ.... страшной молнія струей
Сводъ неба раздвоила!
По тучамъ вихорь пробѣжалъ!
И съ сильнымъ грома трескомъ,
Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,
Одѣянъ адскимъ блескомъ!

И зміи въ пламенныхъ власахъ —
Клубясь, шипятъ и свищутъ;
И радость злобная въ очахъ —
Кругомъ, сверкая, рыщутъ;
И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ —
Увлечь добычу льстился;
Но старца грознаго узрѣлъ —
Утихнулъ и смирился!
И въ мигъ гордыни блескъ угасъ!
И, смутенъ, вопрошаетъ:
— Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
Къ симъ падшимъ призываетъ? —

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой!“
— Они мое стяжанье! —
„Передъ Небеснымъ Судіей
Всесильно покаянье!“
— И часъ суда Его притекъ!
Ихъ жребій совершися! —
„Еще ко Благости не рекъ
Онъ въ гнѣвѣ: удалися!“
— Онъ Правъ — и я владыка имъ! —
„Онъ Благъ — я ихъ хранитель!“
— Исчезни! адъ неотразимъ! —
„Отвѣтствуй, Искупитель!“

И громъ съ востока полетѣлъ!
И бездну тучь три-краты
Разсѣкъ браздами ярыхъ стрѣлъ
Перунъ огнекрылатый!
И небо съ края въ край зажглось,
И возстенало въ страхѣ!
И дрогнула земная ось!...
И, воющій во прахѣ,
Творца грядуща слышитъ бѣсъ!
И молится Хранитель!...
И сталъ на высотѣ небесъ
Средь молній Ангелъ-мститель!

„Гряду! и вѣчный Божій судъ
Несетъ моя десница!
Мнѣ Казнь и Благость предтекутъ!..“
Во прахъ, чадоубійца!“
О всемогущество словесъ!
Уже отступникъ тлѣнье!
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ;
Въ костяхъ оцѣпенѣнье;
И ликъ кончиной искаженъ;
И сердце охладѣло;
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло!

„И праху обладатель адъ!
И гробу отверженье,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленье!
И чадамъ непробудный сонъ!
И тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
„Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель:
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель!“

„И будутъ спать! и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся;
И пройдетъ тлѣнія рука
Ихъ мимо! И проснутся
Съ неизмѣнившейся красой
Для жизни обновленной;
И низойдетъ тогда покой
Къ могилѣ искупленной;
И будетъ миръ въ его костяхъ;
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: Господь есть Благость!“.....

Ужъ вѣстникъ утра въ высотѣ!
И слышенъ громкій пѣтелъ!
И день въ воздушной красотѣ
Летитъ, какъ радость свѣтелъ!...
Узрѣли дѣвъ, объятыхъ сномъ,
И старца трупъ узрѣли!
И мертвый страшенъ былъ лицомъ:
Глаза, не зря, смотрѣли;
Какъ будто страждущъ прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
И на устахъ его ропталъ,
Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:
Невидимо крылами
Ихъ тихій Ангелъ облачилъ;
И райскими мечтами
Чудесный былъ исполненъ сонъ;
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ растворёнъ,
Какъ розъ благоуханьемъ;
И разцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелестной,
И ихъ являлась красота
Въ спокойствіи небесной.

Но вотъ — ужь гробъ одѣтъ парчой;
Отверзлася могила;
И слышенъ колокола вой;
И теплются кадила;
Идутъ и старъ и младъ во храмъ;
Подъемлется рыданье;
Даютъ безчувственнымъ устамъ
Послѣднее лобзанье;
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ;
И взятъ ужь гробъ землёю;
И ликъ воспѣлъ: усопшій братъ,
На вѣки миръ съ тобою!

И вотъ — и старъ и младъ пошли
Обратно въ домъ печали;
Но вдругъ предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали
Граниты стѣны — верьхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ —
И сгрянувшись затворы вратъ
Задвинулись утесомъ.
И вспять погналъ пришельцевъ страхъ!
Бѣгутъ, не озираясь!
„Небесный гнѣвъ на сихъ стѣнахъ!"
Вѣщаютъ, содрогаясь. —

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустѣнья;
Поля покрылъ дремучій боръ;
Разсыпались селенья;
И человѣчій гласъ умолкъ —
Лишь филинъ на утесѣ,
И въ ночь осенню гладный волкъ
Тамъ воютъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ бреговъ,
Спираема корнями
Изрытыхъ бурею дубовъ,
Рѣка клубитъ волнами.

Гдѣ древле окружала храмъ
Отшельниковъ обитель
Тамъ грозно свищетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинъ житель;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ —
Лишь, вѣющій порою,
Пустынный вѣтеръ шевелитъ
Въ развалинахъ травою;
Лишь, отторгаяся отъ стѣнъ,
Катятся камни съ шумомъ,
И гулъ, на время пробужденъ,
Шумитъ въ лѣсу угрюмомъ.

И на туманистомъ холмѣ
Могильный зрится камень:
Надъ нимъ всегда въ полночной тмѣ
Сіяетъ блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвитъ
Листами павилики:
На немъ угрюмый вранъ сидитъ,
Могилы сторожъ дикій.
И все, какъ мертвое, окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ,
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ —
Вранъ черный встрепенется,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется;
И видится бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи:
Какъ блѣдный на туманѣ день
Ея сіяютъ очи;
То взоръ возводитъ къ небесамъ,
То съ видомъ тяжкой муки,
Къ непроницаемымъ стѣнамъ
Моля подъемлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
Сѣдѣетъ лѣсъ унылый:
Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ — ихъ сонъ глубокъ!
И жребій искупленья,
Безвѣстно, близокъ иль далёкъ!
И нѣтъ имъ пробужденья!

Но въ часъ, когда поля заснутъ,
И мглой земля одѣта,
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта)
Одна изъ спящихъ возстаётъ
И, странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ въ даль, и ждетъ съ тоской...
„Приди! приди, спаситель!“
Но даль покрыта черной мглой;
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!

Когда жь исполнится луна,
Чреда приходитъ смѣны:
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчаются, и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку.
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ
Задумчива, отходитъ,
А та печально по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ.

И скороль? Долголь? Какъ узнать!
　　Гдѣ вѣстникъ искупленья?
Гдѣ тотъ, кто властенъ побѣждать
　　Всѣ ковы обольщенья,
Къ прелестной прилѣпленъ мечтѣ?
　　Кто могъ бы, чистъ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
　　Непобѣдимъ земною,
Все предстоящее презрѣть,
　　И съ вѣрою смиренной,
Надежды полонъ, въ даль летѣть
　　Къ наградѣ сокровенной?...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand!
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland

Schiller.

ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ

БЛУДОВУ.

Вотъ повѣсти моей конецъ —
И другу посвященье!
Пѣвцужъ смиренному вѣнецъ
Будь дружбы одобренье!
Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ;
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
Какъ тайный вождь-хранитель,
Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ!
Но въ пользу ли услуга?
Не знаю! ... Дѣвъ я разбудилъ!
Неусыпить бы друга!

ВАДИМЪ.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красотою
И дерзкимъ мужествомъ своимъ
И сердца простотою.
Его утѣха: по лѣсамъ
Скитаться за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими стрѣлами,
Въ осенній хладъ и лѣтній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему постелей — мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайнаго полна,
Душа въ немъ унывала:
„Чего искать, въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?“
Но все — и тишина въ лѣсахъ,
И быстрыхъ водъ журчанье,
И дня мѣняющійся видъ
На облакѣ небесномъ,
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей утомлёнъ,
Близъ Волхова на брегѣ
Онъ погрузился въ легкій сонъ...
Струи въ свободномъ бѣгѣ
Шумѣли, по корнямъ древесъ
Съ плесканьемъ разливаясь;
Душей весны былъ полонъ лѣсъ;
Листочки, развиваясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было...
И солнце съ тверди голубой
Къ холмамъ ужь низходило.

И къ утру видитъ сонъ Вадимъ:
Одѣянъ ризой бѣлой,
Предсталъ чудесный мужъ предъ нимъ —
Во взорѣ лучь веселой,
Ликъ важный свѣтелъ, станъ высокъ,
На сѣдинахъ блистанье,
Въ рукѣ серебреный звонокъ,
На персяхъ крестъ въ сіяньѣ.
Онъ шелъ, какъ будтобы летѣлъ,
И, осѣнивъ перстами,
Благовѣстящими воззрѣлъ
На юношу очами.

„Вадимъ! желанное вдали!
Вѣрь небу! жди смиренно!
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно!
Стремись! я провожатый твой!“
Сказалъ — и въ тожь мгновенье
Въ дали явилось голубой
Прелестное видѣнье:
Младая дѣва, ликъ закрытъ
Завѣсою туманной,
И на главѣ ея лежитъ
Вѣнокъ благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой
Манило привидѣнье
Итти Вадима за собой...
И юноша въ волненьѣ,
Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, полетѣлъ!...
Но вдругъ... призракъ сокрылся!
Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
И блѣдный лучь свѣтился.
И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
Старикъ въ одеждѣ бѣлой!...
Вадимъ проснулся — день сіялъ,
А въ вышинѣ..... звѣнѣло.

Онъ смотритъ вдаль на свѣтлый югъ:
Тамъ ясно все и чисто;
Оттоль черезъ обширный лугъ
Струею серебристой
Катился Волховъ; небеса
Сливались тамъ съ землёю;
Туда за холмы, за лѣса
Мчалъ облака толпою
Летучій, вешній вѣтерокъ...
Смятенный, въ ожиданьѣ,
Онъ смотритъ, слушаетъ... звонокъ
Умолкъ — и все въ молчаньѣ.

Три сряду утра тотъ же сонъ!
Душа его въ волненьѣ!
„О что же ты, взываетъ онъ,
Прекрасное явленье!
Куда зовешь, волшебный гласъ!
Кто ты, пришлецъ священный?
Ахъ! гдѣ она? Увижу ль васъ?
И сердцу откровенный
Предѣлъ откроется ль очамъ?“...
Но тщетно онъ очами
Летитъ къ далекимъ небесамъ...
Туманъ подъ небесами!

И цѣлый міръ его мечтой
Предъ нимъ одушевился!
Востокъ ли свѣжею красой
Денницы золотился —
Ему являлся тамъ покровъ
На образѣ прелестномъ;
Дышалъ ли запахомъ цвѣтовъ —
Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье въ даль, любви тоска,
Томленіе разлуки,
И въ каждомъ шумѣ вѣтерка
Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдить
Могущаго стремленья,
Къ отцу и къ матери просить
Идетъ благословенья.
„Куда? (печальная въ слезахъ
Сказала матерь сыну)
Въ чужихъ испытывать странахъ
Невѣрную судьбину?
Постой! на родинѣ твоей
Домъ отчій безопасный!
Здѣсь сладостна любовь друзей,
Здѣсь дѣвицы прекрасны!“

— Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ!
Спокой себя, родная!
Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
Ведетъ рука святая.
И не задремлетъ ни на часъ
Хранитель постоянный!....
Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
Кто вождь сей безъимянный!
Куда ведетъ, какой стезей?
Не знаю! и напрасенъ
Въ незнаньи страхъ! живъ спутникъ мой!
Путь вѣры безопасенъ! —

Надѣвъ на сына крестъ златой,
Отвѣтствуетъ родная:
„Прости! да будетъ надъ тобой
Его любовь святая!“
Снимаетъ со стѣны отецъ
Свои доспѣхи ратны:
„Прости! вотъ мечь мой кладенецъ,
Мой щитъ и шлемъ булатный!“
Сынъ въ землю матери, отцу;
Цѣлуетъ образъ; плачетъ;
Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
Онъ сѣлъ, онъ крикнулъ, скачетъ!....

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
Поднялъ конь быстроногой;
Но вотъ уже и слѣду нѣтъ!
И пыль слилась съ дорогой!...
Вздохнулъ отецъ; со вздохомъ мать
Пошла въ свою свѣтлицу!
Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
Въ слезахъ встрѣчать денницу;
Передъ Владычицей зажгла
Съ молитвою лампаду:
Что бы ему покровъ была
Чтобъ ей дала отраду.

*

Вотъ на распутіи Вадимъ!
Весь міръ неизмѣримый
Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ
Поля необозримы;
Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
Невѣдома дорога.
„Что жь мѣдлить? вѣрь — не выбирай!
Впередъ! во имя Бога!
Куда, и какъ привесть меня,
То вождь мой знаетъ болѣ!"
Такъ онъ подумалъ, и коня
Пустилъ бѣжать по волѣ.

И добрый конь, какъ будто самъ
Свою дорогу знаетъ:
Онъ все на югъ! онъ по полямъ
Путь новый пробиваетъ!
Потокъ ли встрѣтитъ — и въ потокъ!
Лишь только пѣна прыщетъ!
Ко рву ль примчится — разомъ скокъ!
Лишь только воздухъ свищетъ!
Заглохъ ли лѣсъ — съ нимъ широка
Дорога въ чащѣ лѣса!
Утесъ ли крутъ — онъ сѣдока
Стрѣлой на крутъ утеса!

Бѣгутъ за днями дни; Вадимъ
Все далѣ; конь послушный
Не устаетъ, и всюду имъ
Въ пути пріемъ радушный:
Ко граду ль случай заведётъ,
Къ селу-ль, къ лачужкѣ ль дымной —
Вездѣ пришельцу у воротъ
Привѣтъ гостепріимной!
Вездѣ заботливо даютъ
Хлѣбъ-соль на подкрѣпленье
На темну ночь святой пріютъ,
На путь благословенье!

Когда жъ застигнетъ мракъ ночной
Въ лѣсу, иль въ полѣ чистомъ —
Нашъ Витязь, щитъ подъ головой,
Спитъ на коврѣ росистомъ
Благоуханной муравы;
Надъ нимъ катясь сіяютъ
Ночныя звѣзды; вкругъ главы
Младые сны летаютъ,
И конь, не дремля, сторожитъ,
И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй приползть боится.

И дни бѣгутъ — весна прошла,
И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ зацвѣла,
И нивы пожелтѣли.
Вадимъ все далѣ! ужь предъ нимъ
Широкой Днѣпръ сіяетъ;
Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
И взоръ его летаетъ
Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
Тамъ златоверхій городъ, тамъ
Близь водъ рыбачьи кущи.

Однажды — вечеръ знойный рдѣлъ
На небѣ; лѣсъ дремучій
Сквозь пламень зарева синѣлъ,
И громовыя тучи
Въ слѣдъ за багровою луной
Съ востока поднимались,
И яркой молніи змiёй
Въ ихъ нѣдрѣ извивались —
Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
Тамъ все въ тѣни молчало;
Лишь трепетаніе древесъ
Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ!
Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣтили гаснущимъ лучемъ,
И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ разверстыми вѣтьвями!
Вадимъ впередъ — хрухтятъ кусты,
Подъ конскими ногами;
Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
Дорогу задвигаетъ...
Но ихъ мечемъ крушитъ Вадимъ
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужь цѣлой часъ;
Вдругъ — жалобные крики!
То нѣжный и молящій гласъ,
То яростный и дикій!
Зажглась въ немъ кровь, на вопли онъ
Сквозь чащу вѣтьвей рвется;
Конь пышетъ, лѣсъ трещитъ и стонъ
Все ближе раздается;
И вдругъ предъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ будто изъ тумана,
Чуть освѣщенная луной
Открылася поляна.

И чтожь у Витязя въ глазахъ?
Шумя между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Съ дубиной за плечами,
Огромный великанъ бѣжитъ,
И на рукахъ могучихъ
Красавицу младую мчитъ;
Она, въ слезахъ горючихъ,
То силится бороться съ нимъ,
То скорбно вопитъ къ Богу!
„Стой!" крикнулъ хищнику Вадимъ
И заслонилъ дорогу.

Ни слова тотъ на грозну рѣчь!
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечь,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ!
Конь легкій отшатнулся!
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
И дубъ, треща, согнулся!
Вадимъ всей силою меча
Ударилъ въ исполина —
Рука отпала отъ плеча,
И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
Подъ конскими ногами,
Рванулся встать, оцѣпенѣлъ,
И стихъ, грозя очами;
И смерть молчаньемъ заперла
Уста, вопить отверзты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинувъ персты.
Спѣшитъ къ похищенной Вадимъ,
Она, какъ листъ, дрожала,
И, сѣвши на коня за нимъ,
Въ слезахъ къ нему припала.

„Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей дѣвичей красоты?
И гдѣ твоя обитель?“
— Князь Кіевскій родитель мой!
Градъ Кіевъ не далёко!
Проѣдимъ скоро лѣсъ густой,
Увидимъ брегъ высокой:
Подъ брегомъ тѣмъ кипятъ, шумятъ
Въ скалахъ струи Днѣпровы,
На брегѣ томъ и Кіевъ градъ
Позолоченны кровы,

— Я тамъ дни мирные вела,
Не знаяся съ кручиной,
И въ старости отцу была
Утѣхою единой.
Не въ добрый часъ Литовскій Князь,
Врагъ церкви православной,
Меня узрѣлъ и, распалясь
Душою звѣронравной,
Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
Чтобъ, тайною рукою
Меня похитивъ у отца,
Умчалъ въ Литву съ собою.

— Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
Въ лѣсномъ уединеньи,
Отъ Кіева невдалекѣ;
О дерзкомъ замышленьи
Никто и сонный не мечталъ;
Губитель не встрѣчался
Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ ждалъ
Добычи и — дождался!
Я нынче раннею порой
Въ лугъ вышла, полевые
Сбирать цвѣтки; пошли со мной
Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣтахъ,
Росою умывались,
И рвали ягоды въ кустахъ,
И громко окликались.
Ужь солнце жгло съ полунебесь;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка; темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.
Вдругъ шумъ! смотрю .... злодѣй за мной!
Страхъ подкосилъ мнѣ ноги!
Онъ сильною меня рукой
Схватилъ — и въ лѣсъ съ дороги!

— Ахъ! чтобъ въ удѣлъ досталось мнѣ,
Что было бы со мною,
Когдабъ не ты? Въ чужой странѣ
Изнылабъ сиротою!
Отъ милыхъ ближнихъ въ далекѣ
Живетъ ли сердцу радость?
И въ безутѣшной бы тоскѣ
Моя увяла младость!
И съ горемъ дряхлый мой отецъ
Повлекся бы ко гробу!..
Но слабость защитилъ Творецъ,
Сразилъ Всевышній злобу. —

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
Въѣзжаетъ витязь; тучи,
Сгустясь, заволокли луну;
Сталъ душенъ лѣсъ дремучій....
Гроза сбиралась! межъ листовъ
Дождь крупный пробивался,
И гулъ тяжелыхъ облаковъ
Съ ихъ ропотомъ мѣшался!..
Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ,
И взрылъ деревъ вершины;
И загорѣлися небесъ
Кипящія пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой!
Громъ страшный! трескъ за трескомъ!
И шумъ воды! и вихря вой!
И поминутнымъ блескомъ
Воспламеняющійся лѣсъ!
И встрѣчу, съ права, съ лѣва
Ряды валящихся древесъ!..
Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
И, заслонивъ ее щитомъ,
Вадимъ смятенный ищетъ
Гдѣбъ пріютиться... но кругомъ
Все дичь! и буря свищетъ!

И вдругъ ужь нѣтъ дороги имъ!
Стѣна изъ камней мшистыхъ!
Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
Спираясь, вихорь бушевалъ,
И молніи горѣли,
И въ безднѣ бури груды скалъ
Сверкали и гремѣли.
Вадимъ назадъ... но вдругъ ударъ!
Ель, треснувъ, запылала;
По вѣтьвямъ пробѣжалъ пожаръ;
Окрестность заблистала.

И въ заревѣ открылась имъ
Пещера подъ скалою.
Спѣшитъ къ убѣжищу Вадимъ;
Заботливой рукою
Онъ снялъ сопутницу съ коня,
Сложилъ съ раменъ колчугу,
Зажегъ костеръ, и близъ огня,
Взявъ на руки подругу,
На броню сѣлъ. Дымясь сверкалъ
Въ кострѣ огонь трескучій;
Поверхъ пещеры громъ леталъ
И бунтовали тучи!

И прислонивъ къ груди своей
Вадимъ Княжну младую,
Изъ золотыхъ ея кудрей
Жалъ влагу дождевую;
И къ персямъ дѣвственнымъ уста
Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
И въ нихъ вливалась теплота;
И съ тихимъ трепетаньемъ
Онѣ касалися устамъ;
И дѣвица молчала;
И къ юноши прильнувъ плечамъ,
Рука ея пылала.

Лазурны очи опустя,
Въ объятіяхъ Вадима,
Она, какъ тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что съ невинною душой
Сбылось — не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнувъ, трепетала;
Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
Изъ устъ воспламенныхъ.

А витязь? .... что съ его душой? ...
Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
По раменамъ разлитыхъ,
И свѣжій блескъ ланитъ младыхъ,
И устъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихой гласъ,
И милое смятенье,
И ночи таинственный часъ,
И вкругъ уединенье —

Все чувства разжигало въ немъ! ..
О власть очарованья!
Уже, исполненны огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все ... но вдругъ отпрянулъ онъ
И въ радостномъ волненьи
Затрепеталъ! .. знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи!

И долго, жалобно звѣнѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстной;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло!..
Вадимъ взглянулъ — призракъ изчезъ,
А въ вышинѣ.....звѣнѣло!

И въ слѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
Едва, едва курится
Въ кострѣ огонь; на небесахъ
Нѣтъ тучь, не слышно рева;
Небрежно на его рукахъ,
Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
Младенческій вкушаетъ сонъ,
И тихо, тихо дышетъ;
И близокъ ужь разсвѣтъ; а онъ
Не видитъ и не слышитъ.

Сталъ вѣять свѣжій вѣтерокъ,
Взошла звѣзда денницы,
И обагрянился востокъ,
И пробудились птицы;
Копытомъ топнувъ, конь заржалъ!
Вадимъ очнулся — ясно
Все было вкругъ; но сонъ смыкалъ
Глаза Княжны прекрасной;
Къ ней тихо прикоснулся онъ;
Вздохнувъ, она одѣла
Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
Взглянула — покраснѣла.

И витязь въ шлемѣ и бронѣ
Изъ подъ скалы съ Княжною
Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
Горѣло; подъ горою
Сіяя, пѣну разстилалъ
По камнямъ Днѣпръ широкой;
И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
И благовѣстъ далёкой
Былъ слышенъ. На коня Вадимъ,
Перекрестясь, садится;
Княжна по прежнему за нимъ;
И конь вдоль брега мчится.

Вдругъ путь широкій межъ древесъ!
    Ихъ чаща раздалася,
И въ голубой дали небесъ,
    Какъ звѣздочка, зажглася
Глава Печерская съ крестомъ.
    Конь скачетъ быстрымъ скокомъ!
Ужь въ градѣ онъ! ужь предъ дворцомъ!
    И видятъ: на высокомъ
Крыльцѣ великій Князь стоитъ;
    Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ
    И строится дружина.

И смѣлыхъ вызываетъ онъ
    Въ погоню за Княжною,
И избавителю свой тронъ
    Сулитъ съ ея рукою.
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
    Густая пыль клубится;
И видятъ, съ дѣвой на конѣ
    Красивый всадникъ мчится.
Народъ отхлынулъ, какъ волна;
    Дружина разступилась;
И на рукахъ отца Княжна
    При кликахъ очутилась.

Обнявъ Вадима, Князь сказалъ:
„Я не нарушу слова!
Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
Замѣною роднова.
Я старъ; будь хилыхъ старца дней
Опорой и усладой;
А смѣлой доблести твоей
Будь дочь моя наградой!
Когдажъ наступитъ мой конецъ,
Тогда мою державу
И свѣтлый Княжескій вѣнецъ
Наслѣдуй въ честь и славу.“

И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье!
И зашумѣло, полилось
По граду ликованье!
Богатый пиръ на весь народъ!
Весь городъ изукрашенъ;
Кипитъ въ заздравныхъ кружкахъ мёдъ;
Столы трещатъ отъ брашенъ;
Поютъ пѣвцы; колокола
Гудятъ, не умолкая;
И отъ огней потѣшныхъ мгла
Зардѣлася ночная.

Веселье всѣмъ! одинъ Вадимъ
Не веселъ — мысль далёко!
Сердечной думою томимъ,
Безмолвенъ, одинокой,
Ни пѣсенъ, ни привѣтовъ онъ
Не внемлетъ, равнодушный;
Онъ ступитъ шагъ — и слышитъ звонъ;
Подыметъ взоръ — воздушный
Призракъ летаетъ передъ нимъ
Въ знакомомъ покрывалѣ;
Приклонитъ слухъ — твердятъ: Вадимъ!
Не забывайся! далѣ!

Идетъ къ Днѣпровымъ берегамъ
Онъ тихими шагами,
И, смутенъ, взоръ склонилъ къ водамъ....
Небесная съ звѣздами
Была въ нихъ твердь отражена;
Вдали, противъ заката,
Всходила полная луна!
Вадимъ глядитъ.... межъ злата
Осыпанныхъ луною волнъ
Какъ будто бы чернѣетъ,
Въ зыбяхъ ныряя, легкій челнъ,
За нимъ струя бѣлѣетъ.

Глядитъ Вадимъ ... челнокъ плыветъ ...
Натянуто вѣтрило!
Но безъ гребца весло гребетъ!
Безъ кормщика кормило!
Вадимъ къ нему ... къ Вадиму онъ ...
Садится ... чолнъ помчало!
И вдругъ ... какъ будто съ юга звонъ!
И вдругъ ... все замолчало!
Плыветъ челнокъ; Вадимъ глядитъ;
Сверкая волны плещутъ;
Лѣсистый брегъ назадъ бѣжитъ;
Ночныя звѣзды блещутъ.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна!
Челнокъ быстрѣй, быстрѣе!
Свѣтлѣе на небѣ луна!
На брегѣ лѣсъ темнѣе!
И далѣ, далѣ ... все кругомъ
Молчитъ! какъ великаны,
Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;
И, черенъ, сквозь туманы
Глядится въ рѣку тихій лѣсъ
Съ утесистой стремнины;
И ужъ луна почти небесъ
Дошла до половины.

Сидитъ, задумавшись, Вадимъ!
Вдругъ... что-то пролетѣло!
И облачко луну, какъ дымъ
Невидимый, одѣло;
Луна посмеркла; по волнамъ,
По тихимъ сѣнямъ лѣса,
По брегу, по крутымъ скаламъ
Раскинулась завѣса;
Шатнулъ вѣтриломъ вѣтерокъ,
И руль зашевелился,
Ко брегу повернулъ челнокъ,
Доплылъ, остановился.

Вадимъ на брегъ; отъ брега челнъ;
Вѣтрило заиграло;
И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
Смѣшавшись, все пропало.
Въ недоумѣніи Вадимъ!
Кругомъ скалы, какъ тучи;
Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,
По камнямъ боръ дремучій
Съ рѣки до брега вышины
Восходитъ; все въ молчаньѣ!
И тускло падаетъ луны
На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крутымъ,
Влекомый тайной силой,
На верхъ взбирается Вадимъ.
Онъ смотритъ — все уныло!
Какъ трупы, сосны подъ травой
Обрушенныя тлѣютъ;
На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
Разинувшись, чернѣютъ
Разсѣлины дуплистыхъ пней,
И въ нихъ глазами блещетъ
Сова, иль чешуями змѣй
Ворочаясь трепещетъ

И мнится жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ снѣ
Древа и не смущало
Ихъ сна ничто, ни вѣтерка
Передъ денницей шопотъ,
Ни легкій шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжкой топотъ.
Уже Вадимъ на вышинѣ;
Вдругъ боръ рѣдѣетъ тёмной;
Раздвинулся... и при лунѣ
Явился холмъ огромной.

И на вершинѣ древній храмъ:
Блестящими крестами
Увѣнчаны главы; къ дверямъ
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожденъ затворъ;
Вкругъ храма переходы,
Столбы, обрушенный заборъ,
Растреснутые своды
Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
И всюду по колѣни
Полынь, и длинныя отъ нихъ
По скату холма тѣни.

Вадимъ подходитъ: не вдали
Могильный видѣнъ камень,
Крестъ наклонился до земли,
И легкій, блѣдный пламень,
Какъ свѣчка теплится надъ нимъ,
И воронъ - птица ночи
На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
Сидитъ, унылы очи
Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
Взмахнувъ, онъ пробудился,
Взвился и на небѣ пустомъ,
Три краты крикнувъ, скрылся.

Объялъ Вадима тайный страхъ;
Глядитъ въ недоуменьѣ;
И дивное тогда въ глазахъ
Вадимовыхъ явленье!
Онъ видитъ: нѣкто приподнялъ
Изсохшими руками
Могильный камень; блѣденъ всталъ;
Туманными очами
Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ,
Какъ будтобы моляся;
Пошелъ; стучаться началъ въ храмъ.....
Но дверь не отперлася.

Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ!
И тихой подъ стопами
Былъ слышенъ шумъ, и долго, стонъ
Пуская, межъ стѣнами,
Между обломками столбовъ,
Какъ блѣдный дымъ, мелькала
Бредуща тѣнь...вдругъ межъ кустовъ
Вдали она пропала!
Тамъ боромъ покровенъ утесъ
Вздымался, крутъ и страшенъ,
И при лунѣ изъ-за древесъ
Являлись кровы башенъ.

Вадимъ туда: уединенъ,
　　На грудѣ скалъ мохнатыхъ,
Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
　　Оградой стѣнъ зубчатыхъ,
Стоитъ тамъ замокъ, тихъ, какъ сна
　　Безмолвное жилище,
И вся окрестъ его страна
　　Угрюма, какъ кладбище;
И башни по угламъ стоятъ,
　　Какъ призраки сѣдые,
И сгромоздилися у вратъ
　　Скалы сторожевыя.

Душа Вадимова полна
　　Смятеннымъ ожиданьемъ —
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
　　Сквозь облако сіяньемъ.
Но вдругъ....слетѣлъ съ луны туманъ,
　　И боръ засеребрился,
И замокъ весь, какъ великанъ,
　　Надъ боромъ освѣтился,
И отъ востока вѣтерокъ
　　Подулъ передразсвѣтный,
И чу!..... изъ-за стѣны звонокъ
　　Послышался привѣтный.

И чтожь онъ видитъ? По стѣнѣ,
Какъ тѣнь уединенна,
Съ восточной къ западной странѣ,
Туманнымъ облеченна
Покровомъ, дѣвица идетъ;
На встрѣчу къ ней другая;
И та, приближась, подаетъ
Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокій вдоль стѣны
На западъ продолжаетъ;
Другаяжь, къ замку съ вышины
Спустившись, изчезаетъ.

И за идущею во слѣдъ
Вадимъ летитъ очами!
Ужь, ясенъ, молодой разсвѣтъ
Встаетъ межъ облаками;
Ужь загорается востокъ..
Она всё далѣ, далѣ!
И тихо ранній вѣтерокъ
Играетъ въ покрывалѣ!
Идетъ — глаза опущены,
Глава на грудь склонилась —
Пришла на поворотъ стѣны;
Поворотила; скрылась.

Стоитъ, какъ вкопаный, Вадимъ;
    Душа въ немъ замираетъ:
Какъ будто ликъ свой передъ нимъ
    Судьба разоблачаетъ!
Блѣднѣе тусклая луна!
    Свѣтлѣй востокъ багровый!
И озарется стѣна,
    И ярко блещутъ кровы!
Къ восточной обратясь странѣ,
    Ждетъ витязь .... вдругъ вспылала
Въ немъ кровь ... глядитъ .... тамъ на стѣнѣ
    Идущая предстала.

Идетъ; на темный смотритъ боръ;
    Какъ будто ждетъ въ волненьѣ;
Какъ бы чего-то ищетъ взоръ
    Въ пустынномъ отдаленьѣ!
Вдругъ солнце въ пламени лучей
    На краѣ неба стало...
И витязь въ блескѣ передъ ней!
    Какъ облакъ, покрывало
Слетѣло съ юнаго чела —
    Ихъ встрѣтилися взоры!
И пала отъ воротъ скала!
    И раздались ихъ створы!

Стремится на ограду онъ!
Идетъ она съ ограды!
Сошлись!..... о вѣщій, вѣрный сонъ!
О часъ святой награды!
Свершилось! все — и раннихъ лѣтъ
Прекрасныя желанья,
И озаряющія свѣтъ
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто —
Все вдругъ явилось передъ нимъ,
Въ единый образъ слито!

Глядятъ на небо; слезы льютъ;
Восторгомъ словъ лишенны!...
И вдругъ отъ терема идутъ
Къ нимъ дѣвы пробужденны:
Какъ звѣзды блещутъ очеса!
На ясныхъ лицахъ радость,
И изкупленія краса,
И новой жизни младость!
О сладкій воскресенья часъ!
Имъ мнилось: міръ раждался!
Вдругъ.... звучно благовѣста гласъ
Въ тиши небесъ раздался.

И чтожъ? Храмъ Божій отворенъ!
Тамъ слышится моленье!
Они туда: храмъ освѣщенъ;
Въ кадильницахъ куренье;
Передъ Угодникомъ горитъ,
Какъ въ древни дни, лампада,
И благодатное бѣжитъ
Сіяніе отъ взгляда;
И нѣкто, свѣтелъ, въ алтарѣ
Простертъ передъ Потиромъ,
И возглашается горѣ
Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
Предъ Царскими дверями,
И вдругъ... святой налой предъ нимъ!
Главы ихъ подъ вѣнцами;
Въ рукахъ свѣщи воспалены;
И кольца обручальны
На персты ихъ возложены;
И слышенъ гимнъ вѣнчальный!...
И вдругъ... все тихо! гимнъ молчитъ;
Безмолвны своды храма;
Одинъ лишь, таинственъ, блеститъ
Алтарь средь еиміама.

И въ семъ молчаньи кто-то къ нимъ
Привѣтный подлетаетъ,
Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
Ихъ нѣжно отзываетъ...
Куда же? — О священный видъ!..
Могила передъ ними!
И въ ней спокойно; дернъ покрытъ
Цвѣтами молодыми;
И дышетъ вѣтерокъ окрестъ,
Какъ духъ безплотный вѣя;
И обвиваетъ сѣтлый крестъ
Прекрасная лилея.

Они простерлись ницъ въ слезахъ;
Ихъ сердце вѣсти ждало,
И трепетомъ священный прахъ
Могилы вопрошало....
И было всё для нихъ отвѣтъ!
И холмъ помолодѣлый,
И луга обновленный цвѣтъ,
И бѣгъ рѣки веселый,
И воскрешенны древеса
Съ вершинами живыми,
И, какъ бесмертье, небеса
Спокойныя надъ ними!......

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ!...
Гдѣ замокъ? гдѣ обитель?
Гдѣ чудомъ освященный храмъ?...
Все скрылось!... лишь, хранитель
Давноминувшаго, живётъ
На прахѣ ихъ Преданье!...
Есть мѣсто.... тамъ игривыхъ водъ
Плѣнительно сверканье;
Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ;
Тамъ сладокъ вѣтра шопотъ
И съ тихимъ говоромъ древесъ
Волны сліянный ропотъ.

На мѣстѣ оному — такъ гласитъ
Правдивое Преданье —
Былъ пепелъ инокинь сокрытъ:
Въ постѣ и покаяньѣ
При гробѣ грѣшника-отца
Онѣ кончины ждали,
И примиреннаго Творца
Въ молитвахъ прославляли...
И улетѣла къ небесамъ
Съ земли ихъ жизнь святая,
Какъ улетаетъ ѳиміамъ
Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ, въ свѣтлый часъ
　　Земли преображенья —
Когда, послышавъ Утра гласъ,
　　Съ звѣздою пробужденья,
Востока Ангелъ въ тишинѣ
　　На край небесъ взлетаетъ
И по туманной вышинѣ
　　Зарю распростираетъ,
Когда и холмъ и лугъ и лѣсъ
　　Все оживленнымъ зрится
И предъ святилищемъ небесъ,
　　Какъ жертва, все дымится —

Бываютъ тайны чудеса,
　　Невиданныя взоромъ:
Отшельницъ слышны голоса!
　　Горѣ хвалебнымъ хоромъ
Поютъ..... сквозь занавѣсъ зари
　　Блистаетъ крестъ; сіянны
Изъ свѣта зрятся алтари;
　　И яркими вѣнчанны
Звѣздами, дѣвы предстоятъ
　　Съ молитвой ихъ святынѣ,
И серафимовъ тмы кипятъ
　　Въ пылающей пучинѣ.

W24

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound